

В мире пива

Дублин (начало)

Недолгий перелет самолетом компанией Swiss Air, кормящей пассажиров вкусными ланчами, перенес нас, наконец, в столицу Ирландии, где местные пограничники, исполненные серьезности миссии, долго выясняли, кто мы такие, к кому и по какому делу прилетели, и даже показали нам на экране компьютера физиономию нашего зятя Паши, спросив, знаем ли его. От нас в данном случае требовалось только с достойным видом покивать головой.

Еще в здании аэропорта и потом на улице я испытал некоторый культурный шок: настроенный на английский язык, я вдруг уткнулся в какие-то невообразимые буквосочетания, которые и выглядели, и звучали совершенно не по-английски – бросалось в глаза множество букв “h” в самых неожиданных сочетаниях. Да, да, во всех вывесках и объявлениях верхняя строчка дается на гэльском. Говорят, что его в той или иной степени знает около 20% населения, но правительственные органы делают в области распространения родного древнего языка все возможное. Удивительно, но и топонимы на гэльском и английском очень часто различаются – и как они только в этом разбираются...

Сообщение с пригородом Дублина, в котором обитают наши молодые, оказалось предельно простым – в нескольких метрах от здания аэропорта останавливается автобус, который всего за 10 евро доставил нас на остановку, где ребята встречали нас *in corpore* – Маша, Паша и Степа. Оттуда до их дома оставалось метров 400, которые мы и пропали за рассказом о наших приключениях в пути.

Квартира у ребят по сравнению с той, что они снимали в Москве, не в пример просторная, и мы смогли там сосуществовать, при необходимости не очень мешая друг другу. *По нашим меркам, они живут в «бизнес-классе»: два 4-х-этажных дома стоят в парке, окружены оградой, через которую пройти-проехать можно только с ключом или кодом (впрочем, лис это не касается, они забегают по вечерам под окна без спросу); большая кухня-гостиная имеет две стены из сплошных окон, окруженных столь же обширным стеклянным балконом, парковка под домом. Два сан-узла, беленые стены, хай-тек (мебель – стекло-металл и черные кожаные диваны), пластиковые жалюзи по всему периметру (представляете, сколько времени нужно, чтобы это все помыть?). Впрочем, мебели не хватало, и Маша прикупила в Икее точно такую же, какая была у них в съемной московской квартире. Глобализация! При ближайшем знакомстве выяснилось, что парк – это громко сказано: тонкая ниточка деревьев вдоль вытянутой лужайки,*

переходящей в тропинку; единственная на всю округу детская площадка постоянно забита детьми, тем более, что этот жилой комплекс расположен сразу за школой Сан-Рафаэла, и ее ученицы (школа для девочек) постоянно там пасутся, а на территории дома нет ни одной скамейки, так что даже во дворе перед клумбой не посидишь. Вообще более-менее состоятельныеaborигены в таких домах не живут, предпочитая коттеджи или в крайнем случае двухэтажные таунхаусы, а этот комплекс выстроен специально для «понаехавших», которых тут великое множество, причем, разумеется, не из самых благополучных стран: помимо России это Польша, Латвия, Армения, Южная Америка, так что чувствуют они себя здесь вполне комфортно...

Первые два дня прошли в недалеких прогулках с Машкой и Степой по паркам, магазинам (ближайшие - в полутора км от дома, это вам не Москва!) и барбекю у ее подруги, а также единственной вылазке в центр Дублина, по улицам которого мы успели просто погулять и наткнулись на одной из них на памятник Молли Мэлоун, смерти которой посвящена песня “Cockles and mussels”.

Параллельно я ускоренным темпом добивал перевод, рассчитывая, освободившись от него, вздохнуть полной грудью и, по обстоятельствам, либо побездельничать, либо помочь Таньке и Машке.

Эти планы, как и всякие порядочные планы, рухнули, поскольку, едва отправив в Москву переведенных текст для журнала *Zygote*, я получил из редакции *Marine Drugs*, для которой полгода готовил обзор, готовые рецензии. Одна из них была полностью комплементарной, а другая содержала, к сожалению, совершенно справедливую претензию к тому, что при преобразовании текста в журнальный шаблон осыпались автоматически сгенерированные Word'ом номера литературных ссылок, и условно справедливую – к poor English.

В результате, мне пришлось потратить месячную зарплату на редактирование обзора в соответствующей службе журнала, из которой я получил текст со вставленной полутора сотней определенных артиклей и десятком фраз, в которых начало и конец были поменяны местами. Некоторый скептицизм к такой правке и подозрение во вкусовщине, при том, что я не считаю себя Шекспиром, основываются на том, что это же у меня обзор,

а не собственная экспериментальная статья, в которой я мог бы понаделать английских глупостей. Большая часть текста – это просто цитаты из уже опубликованных статей других авторов, а я в них обнаруживал исправления тех же артиклей, времен и окончаний...

Так или иначе, а четыре дня улетели на кропотливый труд внесения исправлений в угоду рецензентам и переводчикам, и, запулив текст обратно в редакцию, я получил свободу, которая, как выяснилось, и в этом случае ограничивалась 10 рабочими днями – стандартным сроком, предоставляемым редакцией журнала *Marine Drugs* на любые операции.

Мы с Машей предприняли тем временем несколько вылазок в центр и ближайший торговый центр (там есть великолепный игровой комплекс для детей, в котором Степа чувствовал себя абсолютно свободно – сам выбирал, в какое место ему пойти, перелезая через ограждения, и выразительно просил его не беспокоить). Эти поездки (на трамвае – 20 минут) носили в основном скорее технических характер: использовать период распродаж. Вообще, проехав по центру города на автобусе из аэропорта, я решила, что осматривать Дубин не буду: не интересно:

Длинные ряды краснокирпичных монотонных домов фабричного вида прерываются кое-где пышными ложно-классицистическими вкраплениями, плюс хай-тек новых торговых комплексов... Ребята на это, по-моему, даже обиделись: они стали уже немножко патриотами. В общем, что-то осмотрели мы с Машей (между заходами в магазины), что-то, уже в конце нашего пребывания, выбравшись в город вдвоем с Юркой. И вот что увидели.

Безусловно, Город имеет собственный стиль, не похожий ни на что, виденное нами ранее. Говорят, похоже на Лондон, но там я еще не была. Преимущественно (потому что, как и в любом развивающемся городе, тут имеются многочисленные отступления) это стиль Трех Георгов, правивших в течение XVIII в. Бытует легенда, что городские власти, накопив денег, послали гонцов в Италию изучать архитектуру и перенимать опыт. И решили строить в ренессансном стиле, как там. Вот только... убрали с поверхности домов все лишнее: наличники, портики, карнизы... в общем все неконструктивные детали. Вот и осталось: стена, окна, двери. Оставили только украшения дверей: колонны, антаблемент, полукруглое окно сверху, контрастная раскраска. Впрочем, дверь занимает слишком малую часть поверхности дома. Так что получается очень-очень сдержанно, если не сказать аскетично, но все же изысканно. Наибольшая концентрация таких домов – вокруг пл. Марион:

Немножко похоже на тюрьму, но в общем, выглядит породисто. Респектабельно.

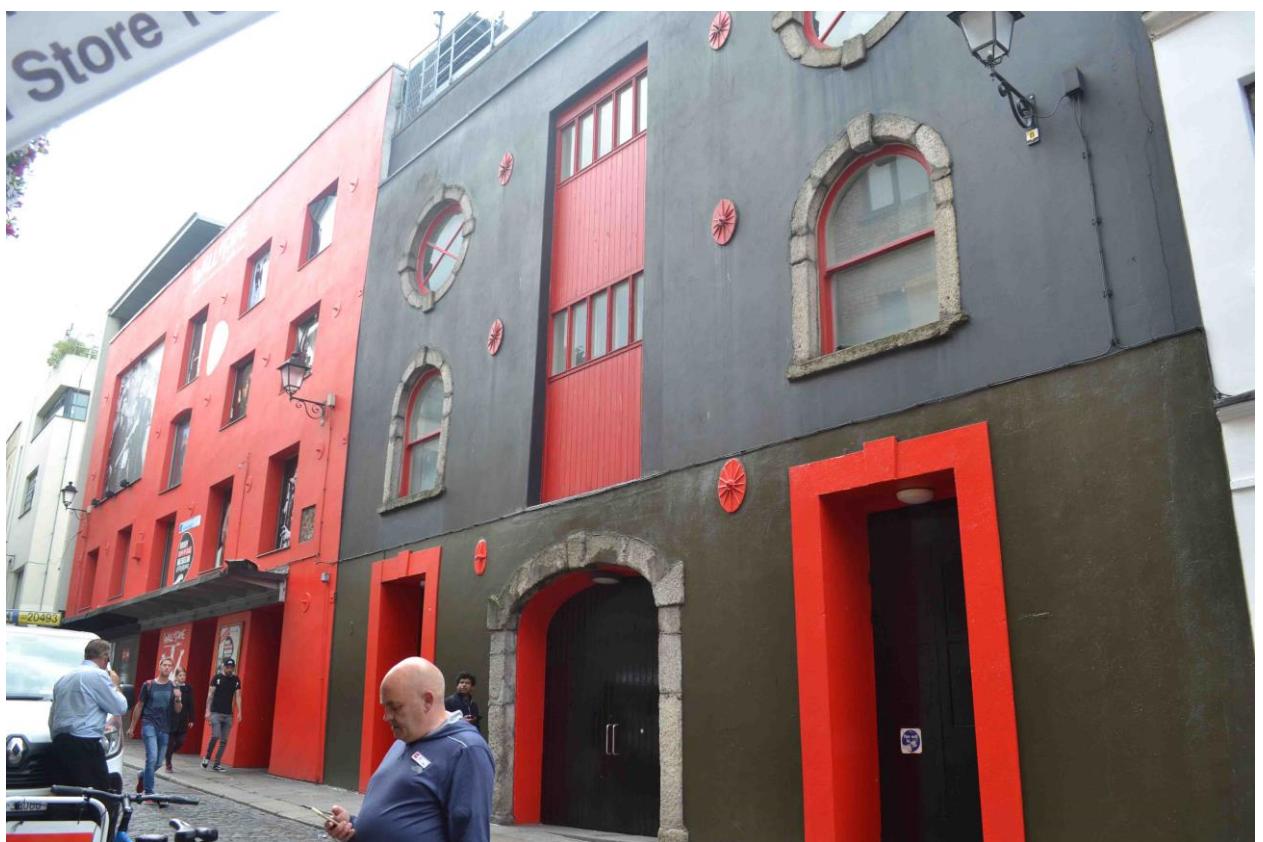
С течением времени, однако, такое однообразие наскучило, появились новые формы и исчезли георгианские пропорции:

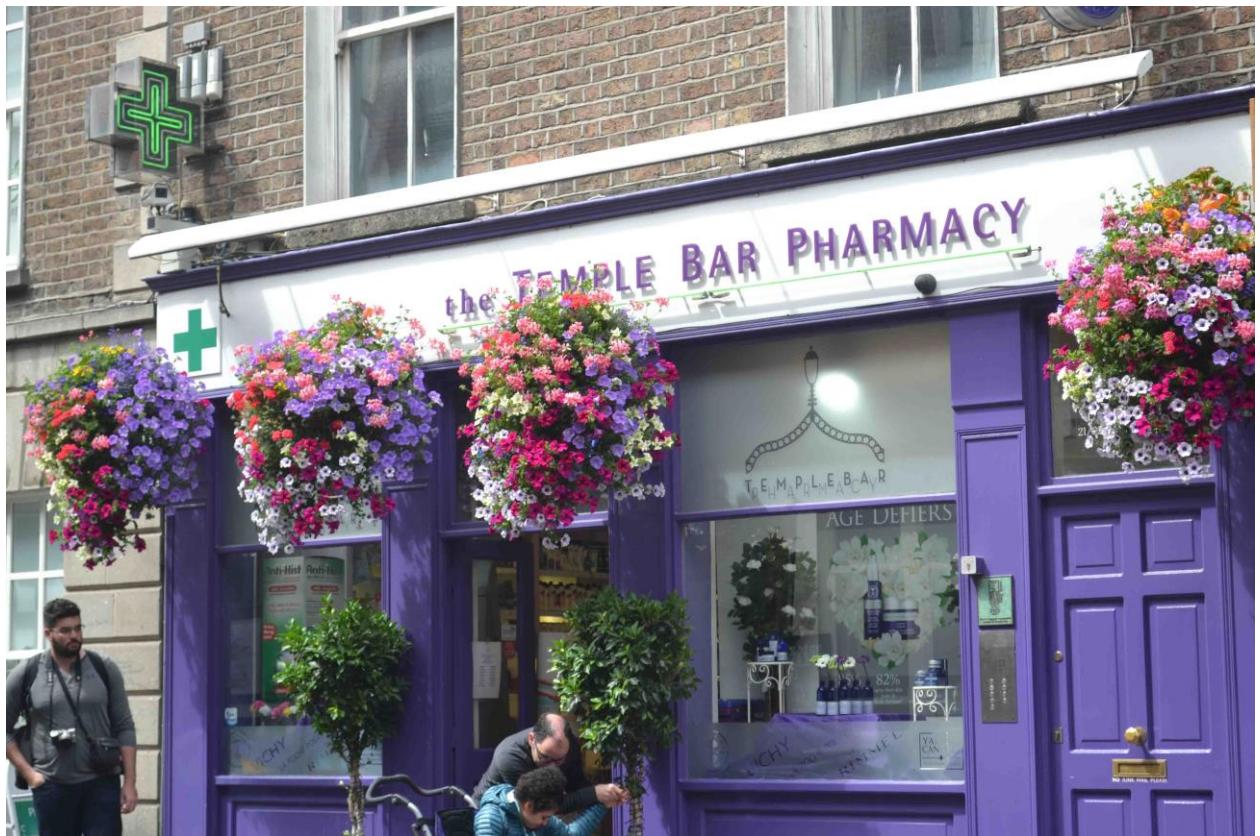

В общем, идеологию городского строительства можно выразить так: строим то, без чего не обойтись - стены, кровлю, прорубаем окна и двери, а если надо что выделить, то красим яркой краской. Вот такой стиль:

Особенно ярко это выражено в бывшем рабоче-полутрущебном квартале Темпл-бар в самом центре города. Теперь это модный район баров, необычных арт-вернисажей и разнообразных молодежных тусовок. В общем, богемный район. Архитектурное убожество здесь возведено в принцип, но все скрашивается (впрочем, как и в других районах) обилие ярких петуний в разнообразных вазонах:

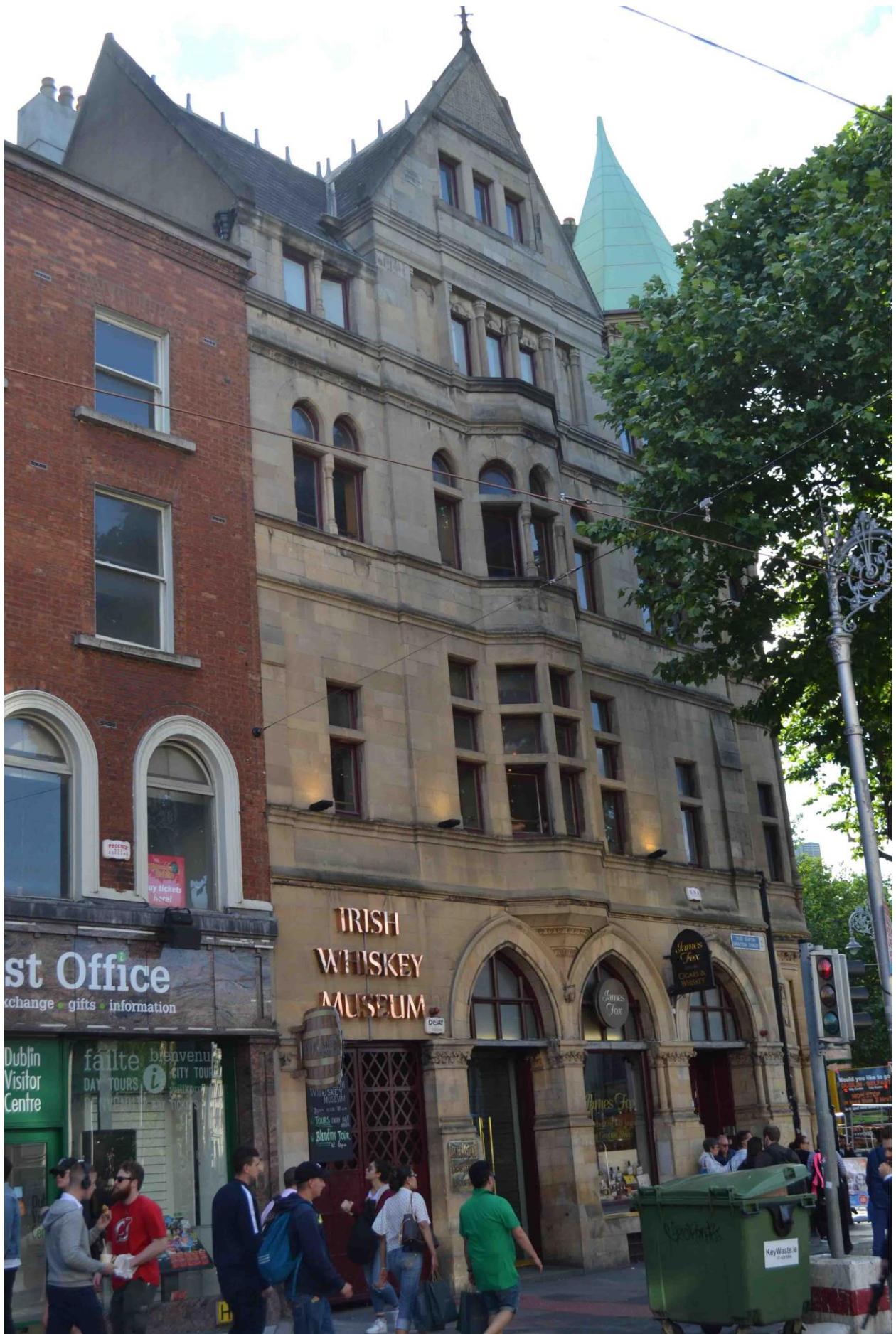

Нет, конечно, в городе встречаются и модерн, и исторический стиль, и даже палладианский классицизм (на первом снимке здание банка, имеющее древнюю и бурную историю), и новые большие магазины, но не они определяют лицо города.

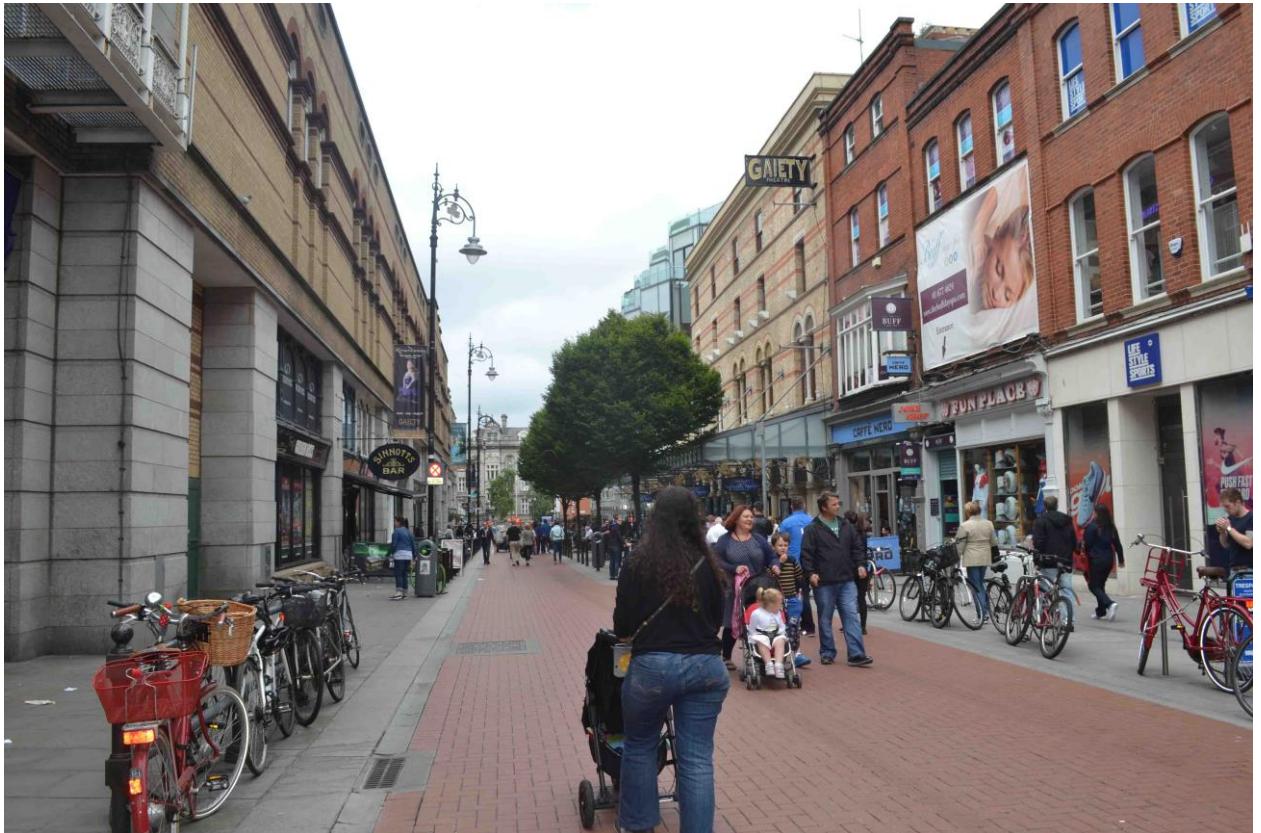

Впрочем, город не стесняется показывать не только лицо, но и изнанку:

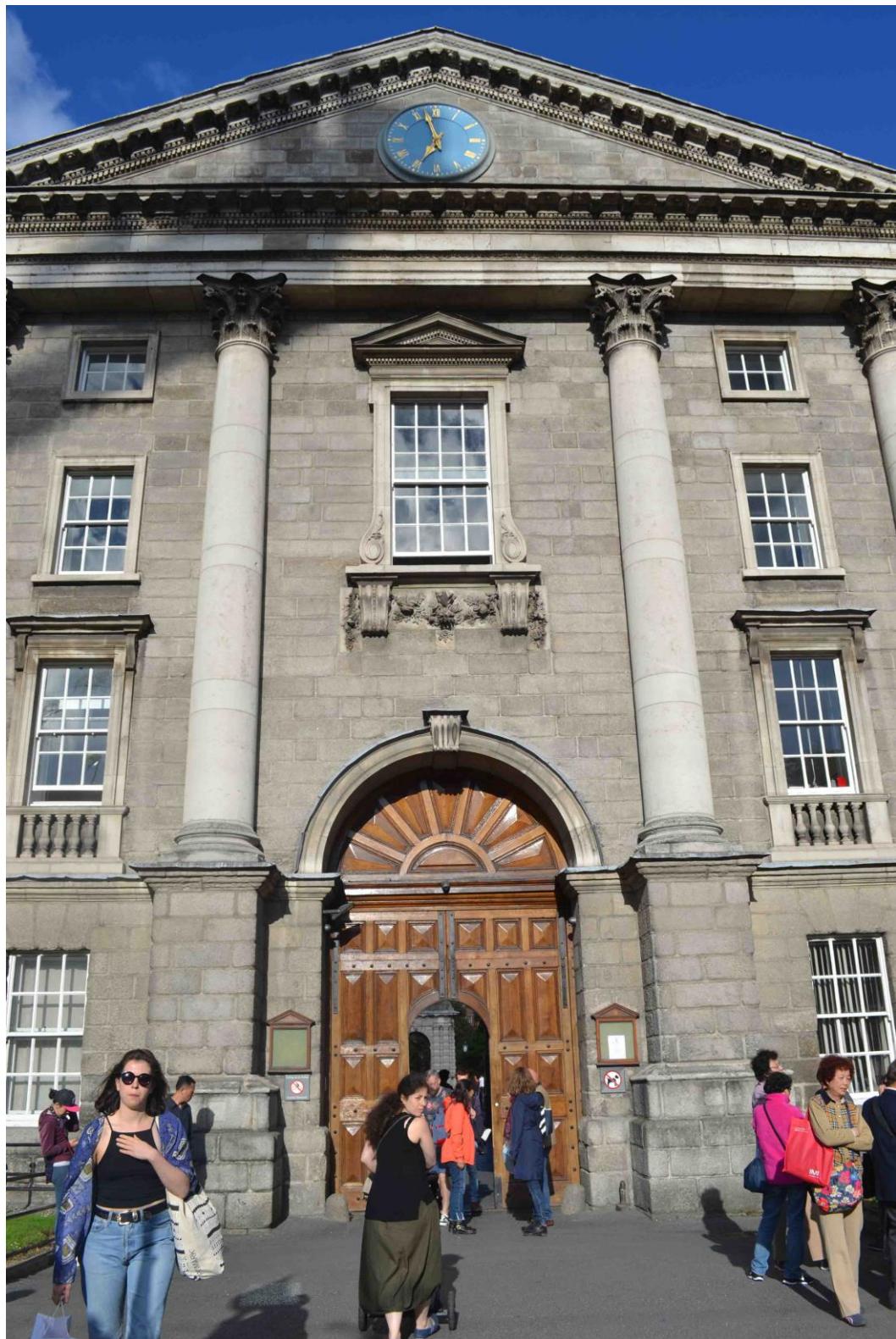

В целом можно сказать, что город очень живой: толпы народа (нетуристского, как в Цюрихе), снуют по улицам даже в рабочее время, работает множество баров (пабов), пиво льется рекой, на многих перекрестках поют под гитару музыканты, иногда очень хорошо, в любимом нами с детства стиле кантри.

Такова ткань города. А теперь – о достопримечательностях, которые, на мой взгляд, включены в него, но не составляют в городе единого целого.

Во-первых то знаменитый на весь мир Тринити-колледж, основанный в 1592 г. Елизаветой I. На самом деле – не колледж, а Университет, один из самых серьезных и престижных. Внешне он представляет собой наглядный образец викторианской архитектуры:

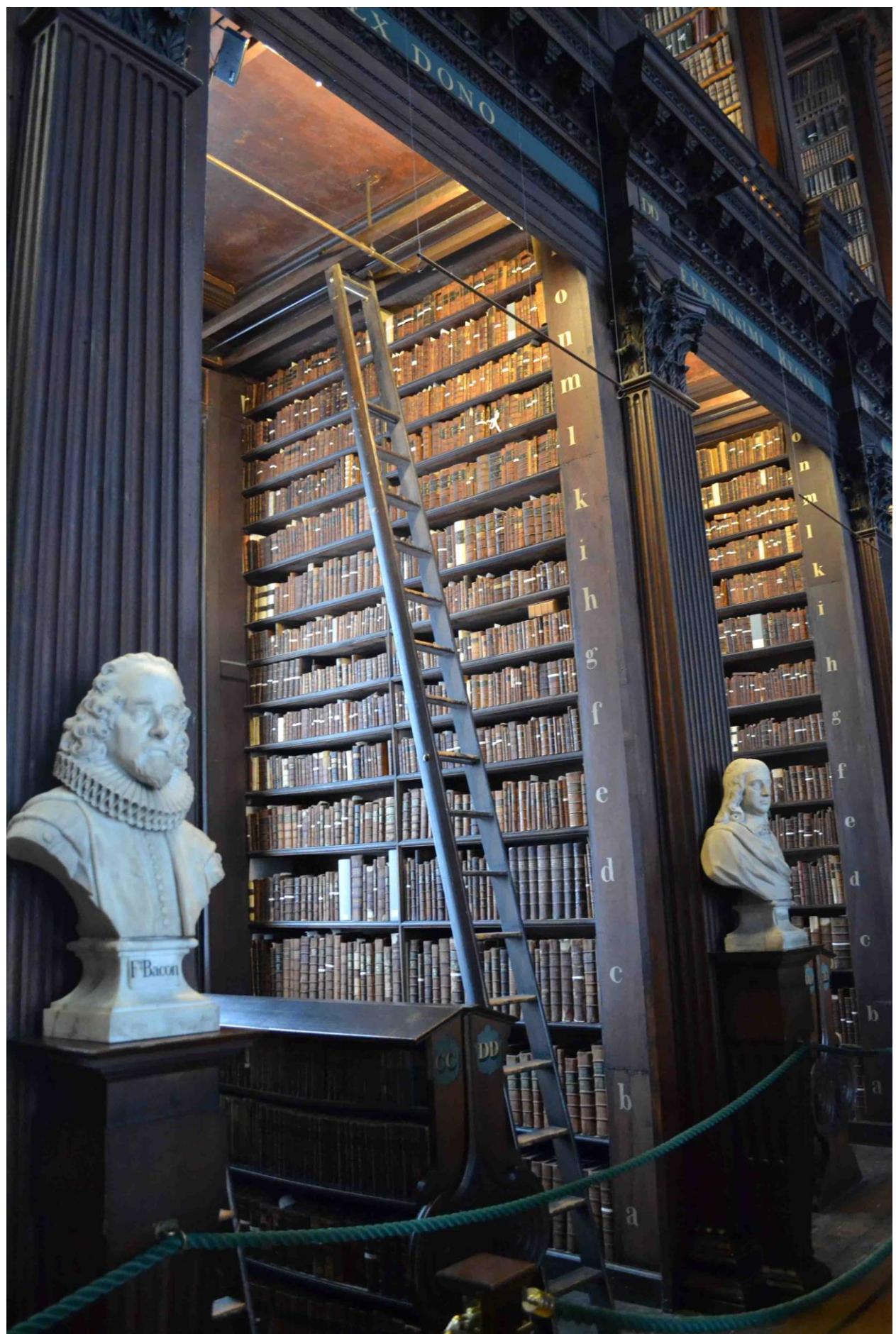

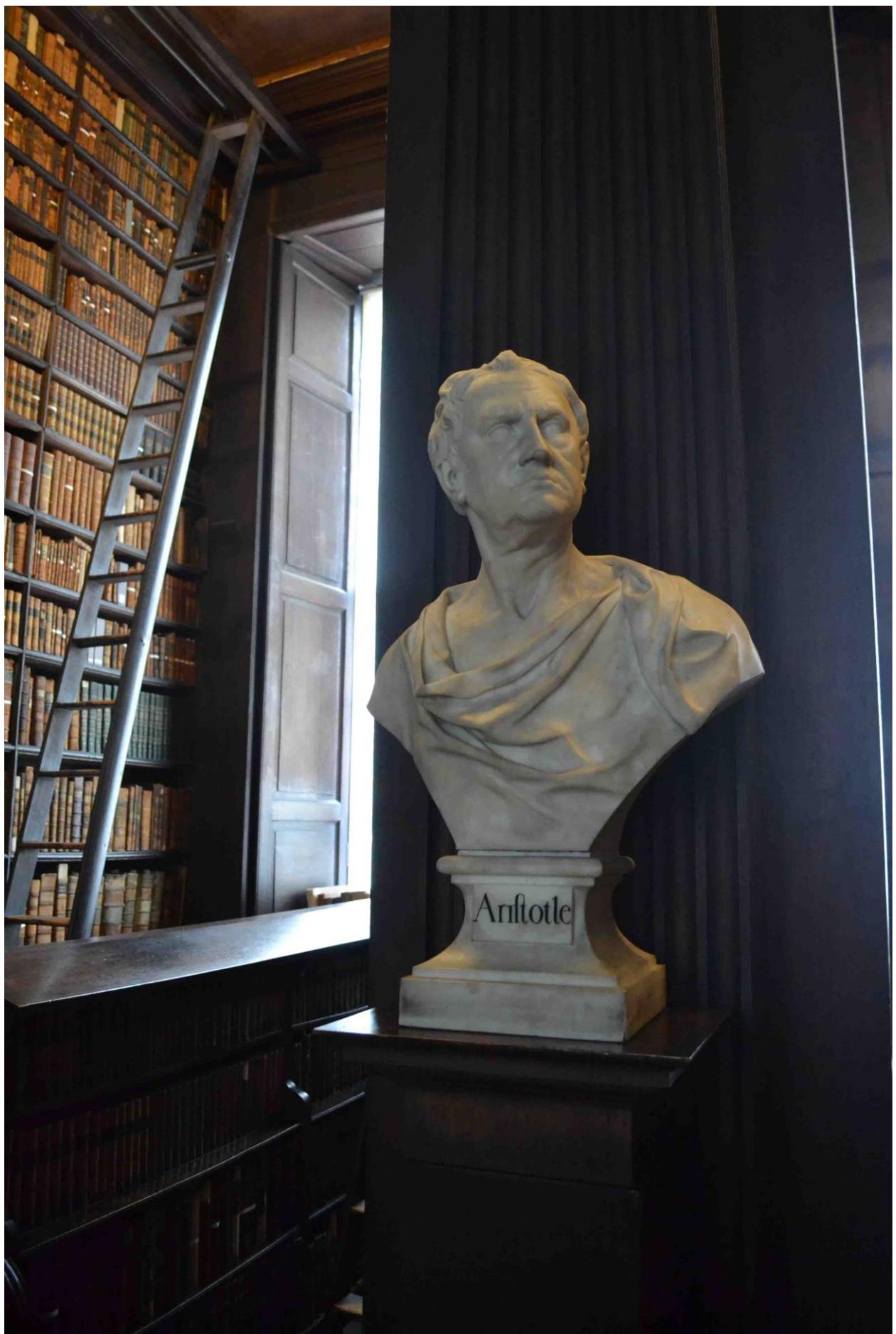

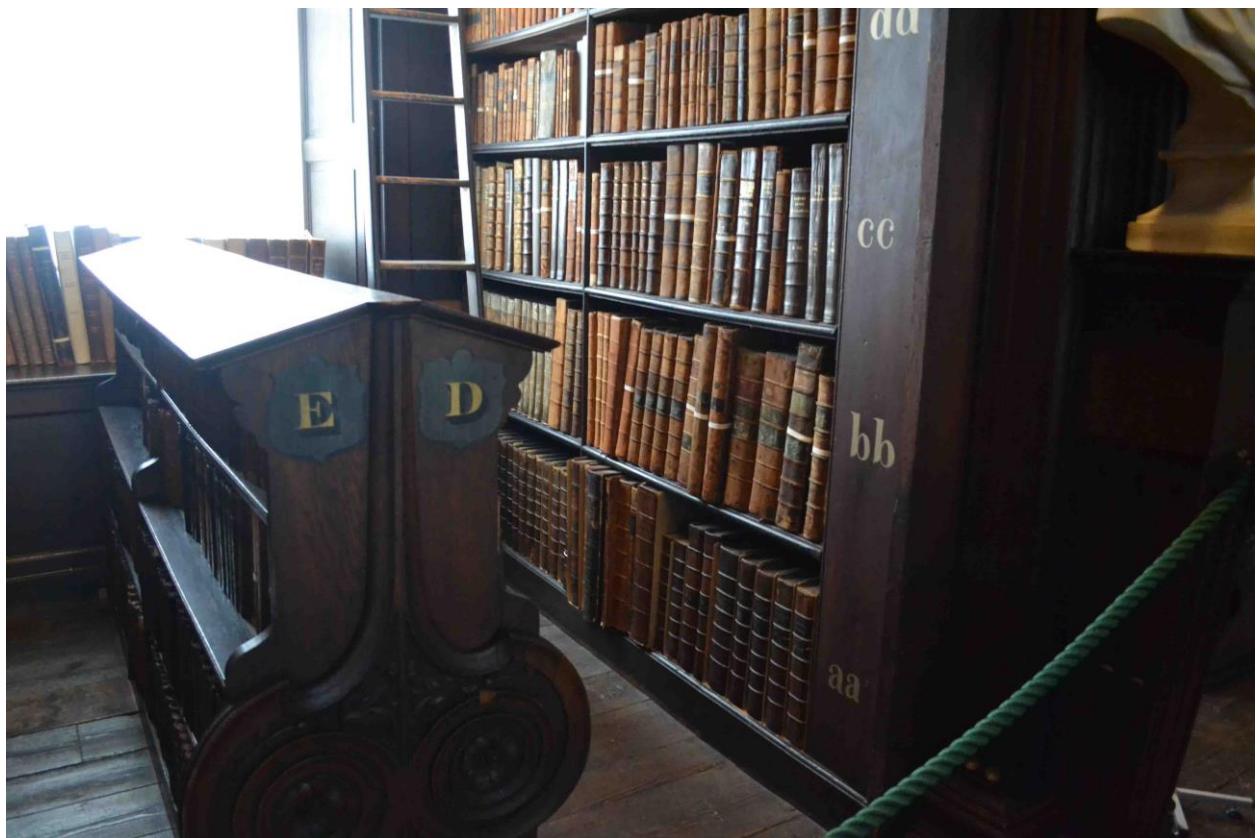
Особенно известна его библиотека, одна из 5 самых богатых библиотек мира, особенно на древние, редкие и самые красивые издания. А самое ценное из них – Келлская книга (4 Евангелия на латыни, богато орнаментированные), созданная в течение VI – IX вв. Ее-то и ходят смотреть, прохаживаясь заодно по длинной библиотечной галерее

XVIII в. В следующем веке был надстроен второй ярус и коробовый свод – места не хватало. И эта галерея, «Длинная комната» действительно производит впечатление!

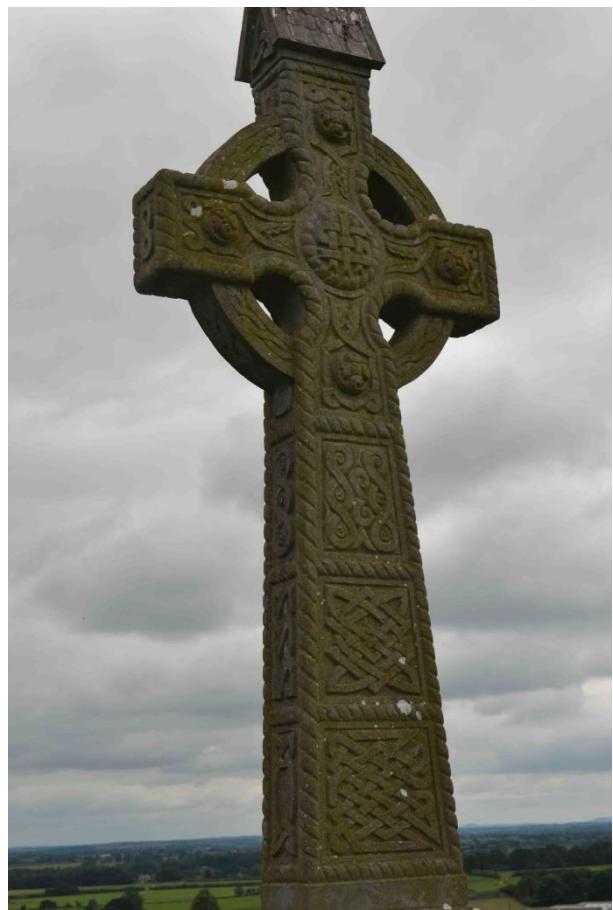
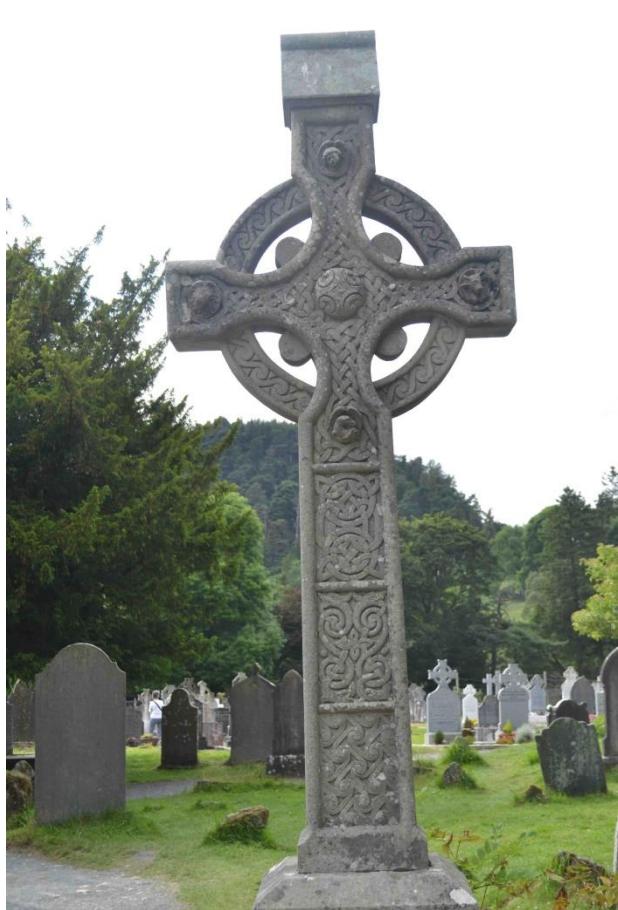

Музей устроен весьма удачно: сама Книга под стеклом открыта на определенной странице, но пока до нее добираешься через ряд помещений, видишь на стенах огромные цветные слайды множества других изумительных по рисунку и колористике иллюстраций.

Понятно, что эта Книга, создаваемая множеством поколений в течение трех столетий, результат работы мощной школы живописце-миниатюристов. Эта школа была лучшей в свое время и получила распространение в других областях Европы. С ее следами мы встретились в прошлом году, путешествуя по югу Германии и краешку Швейцарии. Вот как был основан знаменитый в раннем Средневековье монастырь Сен-Галлен: в 612 г. ирландский монах св. Галл построил здесь уединенное жилище. Рукописи Санкт-Галленского монастыря, как можно полагать, изготовлены отчасти ирландскими монахами, которых привел с собой св. Галл. Со временем его монастырская библиотека стала считаться самой красивой библиотекой мира. Кроме того, уже в начале VII столетия ирландец Колумбан проповедовал на Боденском озере, а в 724 г. Миссионер Пирмин основал бенедиктинский монастырь на острове Райхенау. Расцвет Райхенауской школы письма (манускрипты и фрески) состоялся в 820 – 1050 гг. «В эпоху высокого средневековья в школе рисовальщиков и миниатюристов при монастыре Райхенау были созданы уникальные рукописи, украшенные циклами иллюстраций. Здесь переписывались и украшались великолепными миниатюрами Старый и Новый Завет. Книги, созданные в

скриптории монастыря Райхенау, в 2003 году вошли в состав Всемирного документального наследия ЮНЕСКО» (из путеводителя).

Так что Келлская книга – не случайное явление, продукт длительно развивающейся художественной культуры. Как и почему сложилось так, что эта школа возникла именно здесь, на задворках Европы? Рискну предположить, что как раз потому, что в то время как южная Европа развивала, как умела, а скорей, неумело, античное искусство, опираясь на древне-римские и византийские образцы (Карл Верманн называет его одиличальным античным), здесь, на западе, большой вклад принадлежит кельтской традиции рисунка и орнаментики, привнесшей в христианское искусство свежую оригинальную струю. В том, что дохристианское кельтское искусство живет и по сей день в самых разнообразных формах, как древних, так и современных, мы убеждались здесь – и в Дублине, и в поездке по стране – на каждом шагу. Например, в своеобразной орнаментике могильных или придорожных крестов, которые так и называются – кельтские (крест с кругом):

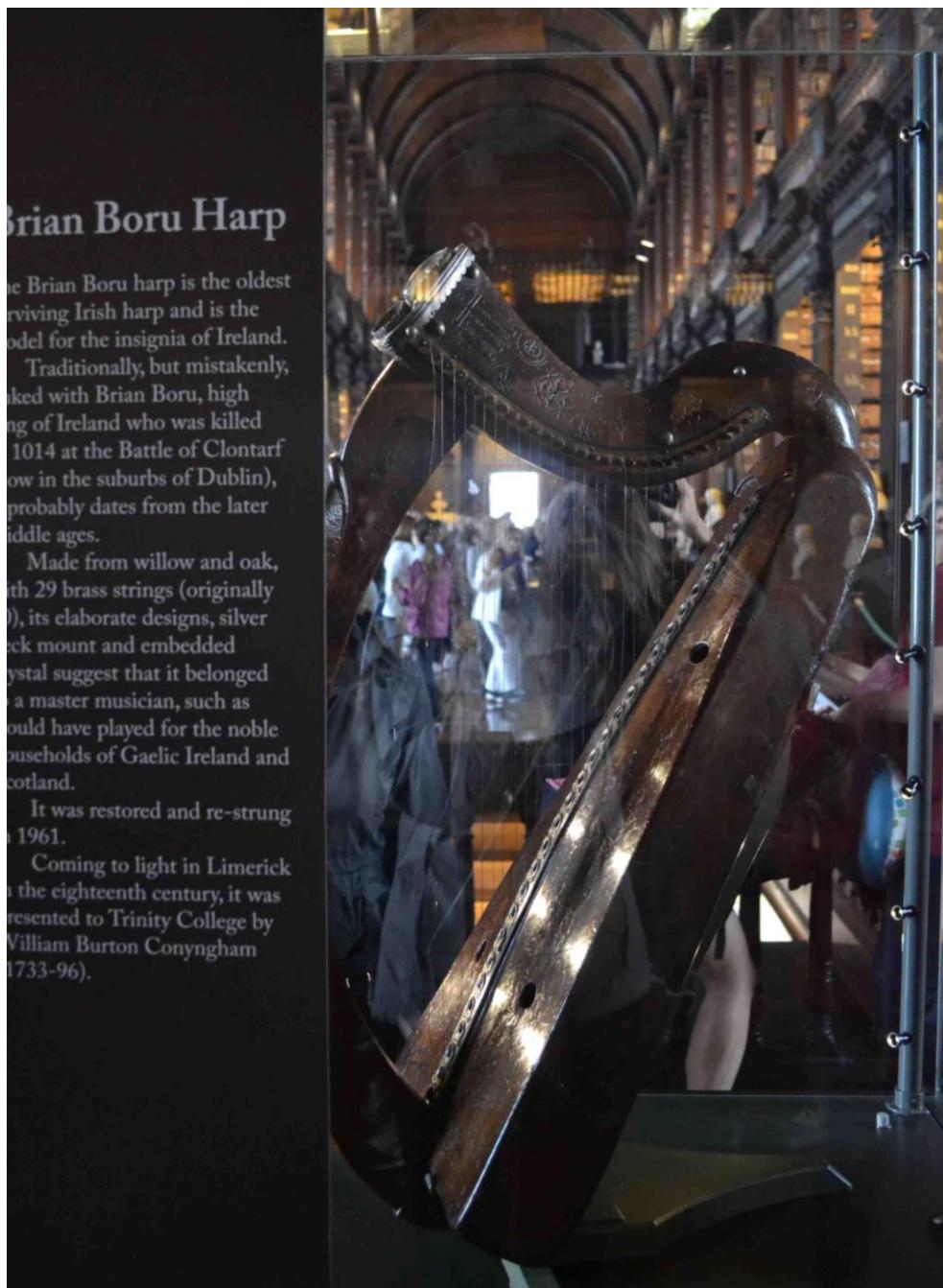
Или в узорах вязаных шарфов, свитеров и т.д., которые в этой овцеводческой стране вяжут все, и продаются эти великолепные уникальные изделия в любой туристской лавке, не говоря уж о специализированных магазинах. Между прочим,

каждый исторический род, которые тут наперечет, имеет не только свой герб, но и собственный опознавательный узор вязки!

«Также в Длинной комнате экспонируется одна из самых старых уцелевших арф в Ирландии. Она был изготовлена приблизительно в пятнадцатом веке из дуба, ивы и медных струн. Именно такая арфа обычно чеканится на ирландских монетах как символ

ранней эпохи». Сейчас ирландцы играют не на арфе, а на гитаре (родственный инструмент), и поют, мы с этим еще встретимся в Килкенни.

Brian Boru Harp

The Brian Boru harp is the oldest surviving Irish harp and is the model for the insignia of Ireland.

Traditionally, but mistakenly, linked with Brian Boru, high king of Ireland who was killed in 1014 at the Battle of Clontarf (now in the suburbs of Dublin), probably dates from the later middle ages.

Made from willow and oak, with 29 brass strings (originally 30), its elaborate designs, silver neck mount and embedded crystal suggest that it belonged to a master musician, such as could have played for the noble households of Gaelic Ireland and Scotland.

It was restored and re-strung in 1961.

Coming to light in Limerick in the eighteenth century, it was presented to Trinity College by William Burton Conyngham (1733-96).

Так что здесь, в библиотеке Тринити-колледжа (а не в соборе и не в дворце) хранятся два символа Ирландии – Книга и Арфа. И это весьма знаменательно. Как и то, что в Дублине нам встретилась наибольшая концентрация библиотек по сравнению с другими городами, которые мы видели, причем как старинных, основанных столетия тому назад и открытых нынче как музеи (библиотека Мариис, Честер Битти), так и крупных современных. Национальная библиотека Ирландии, занимающая огромное здание, встретилась нам в музейном квартале по пути к площади Марион.

(Продолжение следует)